

СОНАТА ДЛЯ КАСКИ

Профессор Давид Мандель

об особенностях рабочего движения в СССР и России

В июне 1989 года прекратили работу горняки в Междуреченске: уже полгода они требовали отрегулировать оплату работы в ночное время и вернуть ставшее дефицитом мыло. К ним присоединись шахтеры других угольных бассейнов. Вскоре экономические требования сменились политическими — просили отменить в статью Конституции о «руководящей и направляющей роли партии». В 1990 году благодаря поддержке шахтеров депутата Бориса Ельцина избрали председателем Верховного Совета России. Начавшаяся всесоюзная забастовка прошла под лозунгом «Борис — шахтеры с тобой!».

Спустя девять лет, 1 мая 1998 года, работники шахт Анжеро-Судженска объявили голодовку с требованием выплатить многолетние долги по зарплате. Чуть позже в знак солидарности железную дорогу перекрыли по всей стране: горняки ставили палатки на железнодорожном полотне и требовали отставки президента Ельцина. Об отличиях протестов рассказывает профессор политологии Университета Квебека в Монреале Давид Мандель, исследующий рабочее движение России с 1970-х годов.

В семьдесят шестом году я стажировался в Ленинграде. Люди были закрытые, провинциалы меня

боялись — для них я был словно инопланетянин. Тогда работал над диссертацией, посвященной рабо-

чему движению в 1917—1918 годах. Хотел понять, почему революция не развилась, вопреки ожиданиям ее участников, и все выродилось в сталинизм. Начал копать историю Гражданской войны и понял, что первопричины нужно искать в более ранние годы.

В следующий раз я посетил СССР в восемьдесят пятом, но большой разницы в людях не увидел, хотя процесс разлома стал более заметным. В восемьдесят седьмом интервьюировал участников новочеркасских событий 1962 года. Тогда при разгоне демонстрации рабочих электровозостроительного завода убили как минимум 26 человек. Нас прослушивали и меня арестовали, так как я не имел права покидать Москву — в итоге мне запретили въезд в страну. Через несколько лет я написал письмо главе МИД Эдуарду Шеварднадзе, позднее грузинскому президенту. Меня простили и разрешили вновь посетить СССР.

Постепенно я перешел на изучение современного рабочего класса. Когда у власти была номенклатура, невозможно было изучать рабочих. Я много поездил по стране: Питер, Ярославль, Уфа, Свердловск, Минск. В Канаде был большой интерес к процессам в СССР, особенно среди левых, которые жили надеждой, что уж теперь страна повернется к настоящему социализму.

Таран для элиты

В 1989 году организовались обща шахтеры Донбасса, Воркуты, Кузбасса и Караганды. В то время у всех шахт был один собственник — власть. Она казалось сильной — КГБ, армия, цензура, а на самом деле была очень непрочной. Она не могла терпеть другого мнения, но первая удачная демонстрация несогласия показала слабость системы. Действия бастующих были впечатляющими — по сути они пошатнули систему. Попутно действующий в Воркуте «Независимый профсоюз горняков» заключил союз с Ельциным. В Москве я был на съезде трудовых коллективов, выдвинувших программу, согласно которой именно рабочие должны управлять заводами. В ответ Ельцин заявил, что будет обязательно следовать их рекомендациям.

Шахтеры не боялись потерять свои места, не боялись они и закрытия шахт. Они считали, что иметь нормальные условия труда — это их право, ведь они как будто бы даже правящий класс. Это мощное низовое движение было такими смелым, так как никто попросту не знал, что такое безработица — на протяжении 60 лет абсолютно у всех была работа. При этом шахтеры из-за тяжелого и опасного труда получали достаточно много по советским меркам.

Исторические параллели всегда неточны, и я не хочу сравнивать со-

бытия 1917 и 1991 годов. Сто лет назад рабочее движение было совсем другого качества, у трудящихся было развитое классовое сознание. При крушении СССР казалось, что народ сам не знал, чего хотел. Если бы перемены длились хотя бы десять лет, то люди получили бы навыки кооперации, но всё произошло слишком быстро. Самоорганизация если и была, то использовалась элитами в качестве тарана для достижения своих целей.

Во время всеобщей забастовки я неделю провел на Донбассе, где общался с делегатами со всего союза. Помню, тогда многие донецкие хотели остаться с Россией, ведь на ней была плотно завязана местная экономика. Еще длительное время рабочие помнили свое положение при советской власти, и отчасти в этом можно искать причину проявления пророссийских тенденций в этом регионе 20 лет спустя, после долгого периода бедности и экономической нестабильности.

Дезориентация

Каждый май, когда в моем университете заканчивалась сессия, я на несколько месяцев приезжал в Россию. После развала Союза мы вместе с профессором экономического факультета МГУ Борисом Ракитским основали Школу трудовой демократии, которая стала главным каналом общения с рабочими. Мы пробили грант для поездки активи-

стов в Канаду ради обмена опытом, и из 10 человек трое были из Ярославля. Этот город был самым активным — именно на Ярославском моторном заводе впервые в СССР прошла забастовка против «черных суббот», когда людей заставляли работать в свой выходной. Название закрепилось: на календаре выходные отмечались красной краской, а рабочие дни — черной.

Задачей нашей школы было освободить движение трудящихся от идеологического влияния капитала и склонности отождествлять старую систему с социализмом. Помимо меня и Ракитского, школу координировала его супруга Галина Ракитская, которая работала в Институте экономики РАН. Это были редкие представители интеллигенции, оставшиеся верными социалистическим идеалам. В девяностые все изменилось радикально, ведь случилась революция, и у всех знакомых изменилось место и статус в обществе. Как указал Маркс, бытие определяет сознание, следовательно поменялись и сами люди.

То, что новая власть была антинародной, поняли все почти сразу. Когда в 1992 году Ельцин подписал меры по «шоковой терапии», то утверждал, что весной будет легкий спад, а уж по осени — непременно рост. Как мне говорили шахтеры, это была борьба за выживание, и не было времени разочаровываться итогами борьбы. Люди хотели свободы и демократии, но не думали,

что потеряют социальные блага. При этом люди не поддержали Верховный Совет — фактически у рабочих не было никакой реакции на бомбардировку Белого дома. Только кировские заводы выступили против.

Горбатый мост

Неверно считать 1998 год временем, когда произошла консолидация протеста — это был просто очередной, еще более массовый всплеск. Очагов типа стачек и перекрытия дорог было много, но они были разобщены и потому неэффективны. Это была оборонительная стратегия, когда люди требовали зарплаты — когда же спустя месяцы ее выдавали, то из-за инфляции на эти деньги ничего нельзя было купить.

Неуверенность в завтрашнем дне не придавала очков в пользу коллективных действий. Рабочий класс никогда не восставал из-за куска хлеба. Восстание поднимает не нищета, вперед толкает чувство достоинства. Тогда же вместо солидарности все пытались выйти из положения индивидуальным образом. Такая психология действует до сих пор, а начавшееся повсеместное кредитование усугубляет ситуацию. Когда у тебя долги за квартиру, машину и холодильник, то как тут бастовать?

Когда Ельцин расстреливал Белый дом, то из Кузбасса направили

поезд сторонников. Теперь же они сами оказались возле этих стен. Чем-то лагерь напоминал *Occury Wall Street* — куча палаток, долгие споры по вечерам с подошедшими горожанами. Тогдашней музыкой лагеря стал монотонный перестук касок, который мне запомнился за те шесть раз, что я ходил к ним в гости. Акция у Горбатого моста была символическим жестом, который должен был спровоцировать народ на подъем и оказать моральное воздействие на власти.

Работодатели без проблем отпустили своих сотрудников к Горбату мосту. Впрочем, потом руководство «Независимого профсоюза горняков» после длительных торгов банально предало своих. Сами шахтеры потом рассказывали, как удивились, что без всякой борьбы их выгнали и отправили по поездам. В то же время в Ярославле родилась идея замкнуть, как они называли, огненное кольцо вокруг Москвы. Поднялись рабочие автомобилестроительных и моторных заводов. Компартия все время обещала поддержку, но когда наступил день акций, то слилась — в итоге лишь женщины на час перекрыли главную улицу. Несмотря на боевой задор рядовых активистов, компартия стала лояльной, и оказывала лишь мнимое сопротивление. В то время они надеялись на то, что пост премьеры получит Евгений Примаков, которого считали своим человеком. Да,

при Примакове внешняя политика стала более патриотической, но изменения неолиберального курса в экономике не произошло.

Я вовсе не удивлен, что социологические опросы фиксировали мнения, будто шахтеры — это эгоисты, которые шантажируют власти только ради своих интересов. Согласно опросам многие были убеждены, что акции были не спонтанными, а спланированными. Безусловно, если руководители освободили подчиненных ради участия в протестах, то здесь не всё так просто. У красных директоров, конечно, были свои интересы, но нельзя сказать, что это исключительно их инициатива.

У русских никогда просто так ничего не происходит — здесь всегда во всем ищут чей-то коварный замысел и не довольствуются простыми объяснениями. Но когда я в Тутаеве спрашивал, как люди живут, не получая по шесть месяцев денег, то мне отвечали: «Пашем на огороде, копим родительские пенсии и меньше едим». Очевидно, почему эти люди готовы бастовать. В Канаде, если нет зарплаты, то люди бунтуют или уходят. Но куда уйти, если во всей области нет ни одного рабочего места?

Дефолт летом того же года еще больше усугубил положение, скосив 30—50% дохода. На подобный

провал государственной политики уже никто не отреагировал, что меня удивило. У людей ведь украли ползарплаты, а все промолчали. Западные политики и МВФ подобное воровство даже поощряли. Ельцину ставят в плюс, что он развил демократические институты, но когда вы не платите денег по полгода, то что это за демократия?

Только последующее в нулевые повышение цен на нефть, а также возможность колымить — набирать частным образом заказы — в итоге скрасили положение. При этом наиболее активных выдавливали. Так, знакомый высококвалифицированный мастер по инструментам был председателем ячейки на заводе, но его рассчитали, несмотря на то, что такой опыт можно получить спустя годы. Рабочим приходится выступать не только против руководства, но и против «Федерации независимых профсоюзов России», членами которого стали даже директора. ФНПР занимается лишь распределением отпусков и выразила свое мнение только раз, когда охранники открыли огонь по забаррикадовавшимся рабочим под Питером. Именно поэтому в России сейчас реально действующие союзы есть только у работников авиаотрасли, портов и западных автоконцернов.

*Материал подготовил
Дмитрий Окрест*